

Бродяга

Анна ТУРУСОВА

Федор Иванович работал на проходной завода. Вахтером он был строгим и неподатливым, требовал пропуска даже у большого начальства. Единственным, кто проходил на завод без всяких корочек, был грязный пудель песочно-желтого цвета. Возможно, когда-то он считался белым, но это явно было очень давно. Пес предьявил вахтеру печальные глаза. Федор Иванович ежился перед ними и виновато тербил собачью голову.

— Иди, иди! Чего уж!

Пудель приходил на завод дважды в день, в определенные часы.

Поскольку с него не требовали пропуска, он мог и не догадываться, что бродит по закрытой территории. Завод его не интересовал — манила столовая. С кухни дважды в день выносили остатки стола и вываливали в глубокие черные баки. Пудель прибегал чуточку раньше, садился в стороне и ждал. Кухарки с пустыми ведрами скрывались в здании, и пес приступал к поискам съестного. Женщины со временем так привыкли к псу, что мясные остатки стали собирать отменно и подавали их пуделю на крышке от кастрюли. Поев, пес благодарно вздергивал перед вахтером хвост и уходил в сторону трамвайной остановки.

Однажды Федор Иванович и пудель оказались попутчиками. Они шагали рядом, как давние знакомые. За ними следом от проходной тянулись люди. Дорожный переход был под красным светом. Пес вместе со всеми остановился, уселся меж ног и устоялся на светофор. Шоссе пустовало, но пудель не двигался с места.

Неожиданно с бордюра на дорогу шагнула женщина и дерзко двинулась на красный огорек.

— Пес тьякнул.

Люди улыбнулись. Женщина спокойно шла вперед.

Пудель тьякнул громче.

Пешеходы начали со смехом переглядываться. Женщина как ни в чем не бывало продолжала путь.

Пес соскочил с бордюра, догнал нарушительницу, забегающую вперед, повернулся к ней мордой и залаял, что есть собачьей мочи — хрипло и ругательно. Женщина испуганно отшатнулась и встала как вкопанная посреди дороги. Пудель забегал то слева, то справа и не давал ей сделать ни шагу вперед. Женщина отпихивала его сумкой и оправдывалась:

— Нет у меня ничего! Что ты пристал ко мне? Ничего нет! Нету!

Пес отчаянно лаил и пятил назад, к краешку дороги. Над переходом повис безудержный и веселый смех. Так по-детски бесечно взрослые смеются только в цирке. Полетели советы, одни — псу, другие — задержанной:

— Гони трояк за нарушение!

— За подол ее, за подол!

— Брось, пес, насильно мил не будешь!

— Вот это гаишник!

— Кто у пса начальник? Повысить псу зарплату!

Вблизи зафыркала машина. Пристыженной женщине ничего не оставалось, как шагнуть назад и вернуться на место ожидания.

Хорошо смеяться хором, когда один в смешном положении. Ой как плохо одному, когда все хохочет над тобой, будто ты клоун в цирке. Улыбнуться бы женщине, пошутить над собой, но этого она не умела.

— Развели бродяг, — бормотала она. — Все настроение испортил. Чертов псина...

Федор Иванович сочувственно смотрел на нее. Он помнил женщину в лицо — она работала на заводе. Но заступился он за собаку:

— Зря вы так. Такому псу цены нет. Жаль, выбросил какой-то подлец. Уж подарил бы кому-нибудь. Уже скоро год, как бегают в нашу столовую.

А чертов псина сидел меж ног и не сводил глаз со светофора. Зажегся зеленый глазок. Пудель поднялся и торжественно повел пешеходов через дорогу. Никто пса не обгонял. Всем почему-то пришлось по душе, что впереди вышагивает грязный и кудлатый законник.

— Ну ты и отколот номер! — сказал псу Федор Иванович на следующее утро. — Я прямо

зауважал тебя. Хоть бы знать, как зовут. А? Бес-паспортный!

Пес слушал подозрительно. Отчего вахтер такой словообильный? Говорит, говорит, а разрешающего жеста не делает. Никогда он так долго не задерживал. С чего бы? Еще не пустит. Что тогда? Голодажничать придется, рыскать по городу. Все это прочитал Федор Иванович в собачьих зрачках, послушных и печальных.

— Ну беги, беги! — отпустил он пуделя. — Хорошо, что ты сюда дорогу проторил. Хоть сыт по горло.

Когда в проходной появилась вчерашняя нарушительница, Федор Иванович заулыбался. Он догадывался, что ей это не доставит удовольствия — ведь дорожная история принесла ей только огорчения. А губы расплзались, расплзались и доползли до ушей. Он с ними ничего не мог поделать. Неспроста же говорят, что смех тридцать лет у ворот стоит, а свое возьмет. Однако женщина тоже улыбнулась. Она протянула пропуск и весело сказала:

— Здравствуйте!

С тех пор они стали обмениваться приветствиями. Если проходная пустовала, женщина на минутку задерживалась и справлялась о пуделе.

— А что ему сделается? — Федор Иванович искренне радовался, что псу ничего не делается, что женщина проявляет участие в собачьей судьбе и что смешинки так идут ее глазам и не тонут там, в глубине, а гуляют у самых ресниц, готовые не то слезть с них, не то взлететь. — Одного хлебника столовая прокормит, деликатесов он не просит, — говорил Федор Иванович. — За все спасибо пишет — хвостом по воздуху. Вежливый! Увел бы домой, честное слово! Да жилья мало — то, чуть больше могилы.

И вот пес пропал. Не появился неделю, вторую, третью.

— Сгинул наш гаишник, уже с месяц не прибегает, — пожаловался Федор Иванович женщине.

— Да? Странно, — сказала она и прошла на выход.

Федор Иванович перестал улыбаться ей, словно пропажа вычеркнула из памяти тот забавный случай. Ведь в самой женщине ничего смешного не было: пальто, шапочка, пропуск, бледное личико без особых примет. Оба улыбались потому, что с ними всегда был третий — немый, нестриженный, голодный, четверногий бродяга. Женщина больше о пуделе тоже не справлялась. Наверно, и она стерла в памяти конфузное приключение.

Уже и осень отплакала, и зима отметелила. Потянуло новым теплом. А Федора Ивановича старые болячки свалили в постель. Долго хворал, месяца полтора. В первую же рабочую смену он увидел у вахтерского окошка знакомое лицо.

— Болели?

— Да. Укатали сивку крутые горки.

— Не появлялся наш бродяга?

— Нет. Не видал больше, — без охоты ответил Федор Иванович.

— Вы все еще его ждете?

Федор Иванович пожал плечами. К чему вопросы? Жду, не жду... Не все ли равно. Был бы жив, приполз бы кормиться. А нет, значит, и нет уже его.

Женщина шагнула мимо, но вдруг обернулась.

— Мне бы давно сказать вам, — покраснела она и расплескала по глазам смешинки. — Я ведь его к себе увела. Да все неудобно было признаться.

— Да как же так? Как же... — Федор Иванович вышел из вахтерской каморки и затоптался возле женщины. Ему не терпелось узнать, и как его называли, и как он привык к дому, и кто гуляет с ним, и, наконец, как он выглядит — белый или желтый. Но тут через проходную повалил народ, и Федор Иванович вернулся на пост. Перед глазами привычно замелькали лица — фотография, лицо — фотография, и казалось, все ему улыбались — и лица, и фотографии. И сам он улыбался от радости, что псу-бродяге подвалило такое счастье.

С того дня единственным, кому он не заглядывал в пропуск, стала та самая женщина. Федор Иванович был уверен, он голову мог дать на отсечение: человек, пригравший собаку, ничего дурного его заводу не сделает.

Игра угрюмых грез

Поэтическое слово многогранно, многолико, многозвучно и многозначно... А если эти слова далеко не случайно и осмысленно построены в заданный автором ряд, строки и строфы — то можно успешно передавать читателю гаммы неповторимых чувств, эмоций и ассоциаций.

Подобный интересный поэтический поиск виден в творчестве Михаила Левицкого. Он смакует слово, рассматривает его сквозь призму обостренного чувства и личного жизненного опыта. И это зачастую удачно, свежо, оригинально.

А. ПАВЛОВ,

член Союза писателей России

Что я не рад

И. Л.

Как млад,
Год — гад,
Дик бег.
Ком мук
Близ сук.
Коль стар —
Сто кар:
Шаг — шок.
Дог пег —
Год-век.
Что там?
Мрак ям.
Гниль чрев.
Там — Червь!

Игра угрюмых грез

Грассирующему брату Сергию

Морг свергнет все грани градаций,
Градаций и деградаций...
Огромные груды грунта
Грубо нагрудят
На грешные груди...
Угробят, ограбят, сграбастают
Громады грозных гробов...
И нет оград
От гравированных оград,
От нагретого гравия,
От грустных городов
Гранита и крестов.

О, Росс!
Не там ты рос,
Где с поля рос
Спадает бремя рос.
Иной давно унял бы слабый рост,
А ты и рус. И росл.
Сраченье Сормово,
Немного сорного,
Нисколько старости
И стопка старки.
Когда, сохраняя остатки,
На шторы ресниц,
Мне навалит плиты пятака,
Я и тогда с тобой наверняка —
Из своего глухого сосняка...

Шумно шуршали шершавые шелки,
Хмельно пахли мохнатые хвои.
Все стихло. Стучали часы на стене.
Спали покровы. Проснулись порывы.
В пылу мы пылали,
Пылали и плыли...

Сергею Левицкому

Человек весь в себе,
Весь.
В нем и Бог, в нем и грязь.
Есть.
Будет он умирать один,
А быть может
Один на один.
Значит, слава при жизни —
Бред.
А потом ее вовсе
Нет...
Что память наша
Герострату даст?
Все прах и глупость.
Да-с...

Наташе Галкиной

Ах, Natali, Natali!
Трудно без Вас мне вдали.
В эти весенние дни
Сердце так хочет любви.
Сердце так хочет любви,
Двери свои отворив,
Мне говорит «Зови!»
Девушку на viz-a-viz,
Меня к волнению вызови,
Ее от аскезы вызволи,
И больше на «Вы» не зови...

Людмиле Давыдовой

1.
Собаки глухо выли,
Буран с ума сходил,
А я в полном мире,
Спешил к тебе один.

Михаил ЛЕВИЦКИЙ

Пустынная дорога,
Озябшие кусты.
Над головой лишь месяц,
А в голове — лишь ты.
2.
Стало темно и холодно,
Грязь в колесах застыла,
Бродягам сегодня голодно,
И старикам тоскливо.
Все посерело и съежилось,
Лес тишиною страшит...
Здесь сердце не долго тешилось,
Тобою опять позабыт.
А теперь я иду без дороги,
По пустому широкому полю,
И лишь месяц — мой спутник двурогий
Разделил мою горькую долю.

На кладбище

О. Е.

Тут ямы пустые глубоки,
С ветвей соловьи поют,
Здесь вдовы сидят одиноко,
И музыканты пьют.
Старушки привычно за гробом,
Пришедшей толпою бредут,
И на похоронную пустошь
Глядят, как на скорый приют.

Игорю Быкову
на день восшествия
в супружеский чин.

Ну что же, друг,
Я вижу, и тебе,
Старейшему ревнителю свободы,
Пришла пора...
Войди под брачные своды
Блаженного и кроткого житья!
Но помним точно:
Ты и я —
Как усмехались мы в ладошку,
Когда виднелись на мужьях,
Расставленные нами рожки.
Куда-то нас затащат дрожки?

Зоологическое

Наташе Галкиной

Как пожилой гиппопотам,
Я удивлялся, собою довольный,
Глупости чужих страстей,
Спокойствием — мудрости солью —
Посыпав корку жизни сей.
Но теперь я забыл,
Что все — тлен.
Теперь я просто
Опантерен, оягуарен, оорангутанен
Твоим равнодушием ко мне!
Какой из меня теперь светский лев?
На что мне верность теперь бульдожья?
По-моему, скоро умру уже я,
Тогда ты, может быть, поймешь
Каким я был хорошим человеком!

Подражание древним

Оленьке Косаревой

Я изорвал одиннадцать листков,
Да, да — одиннадцать,
не девять и не двадцать,
А ровно лишь одиннадцать листков.
И ровно потому, что я на цельных
писал листах,
Совсем не применяя половинок.
И значит так по логике выходит,
В которой много преуспел
старик Гораций —
Что и порвать не мог я половинок,
Когда их при себе я не имел.
И потому нельзя сказать,
Что изорвал листов двенадцать
с половиной
Ну, или, скажем, восемь с половиной,
А лишь одиннадцать, одиннадцать листков.
Хотя и так здесь можно рассудить,
Что двадцать две нерасчлененных половины
Я изорвал,
когда тебе писал...

Ирине Любый

Холодный вечер светит фонарями
Домов громады темны и мрачны.
К тебе приходит тихая жалость,
И хочется чьей-то вины.
Застывших сумерек серость,
Прах, заключенный в гробу,
Лица усталая бледность...
Кажется, наяву....